

Андрей Файт — 1903-1976

Он сыграл более семидесяти ролей и эпизодов: "Броненосец «Потемкин»", "Великий утешитель", "Пышка", "Тринадцатый", "Окраина", "Джудльбарс", "Высокая награда", "Молодая гвардия", "Встреча на Эльбе", "Волшебная лампа Алладина", "Королевство кривых зеркал", "Гонимый круг"...

Вот в это время, в конце ноября, я жил в Ялте. Нам нужны были солнце и шторм. Это нужно было для последней сцены. После этого экспедиция сворачивалась, и мы возвращались в Москву. Но темная полоса, едва заметная рано утром над горизонтом, медленно поднималась, к девяти часам полнеба было затянуто плотной тяжелой мглой, начинал накрапывать дождь, переходящий в ливень, съемка отменялась. Мы разгруппировались и возвращались в гостиницу. На следующий день начиналось все сначала. На третий день неожиданно пробилось солнце, необыкновенно быстро, как это бывает на южном берегу Крыма, рассеялись тучи. Стали видны вершины гор, уже покрытые снегом. Но море было спокойно. Съемка отменялась. Назавтра густая мгла вновь укрыла Ялту. Сидя у себя в номере в гостинице "Ореанда" (в комнате было холодно — окна выходили на море, стекла подрагивали под ударами ветра), я начал писать рассказ. Не о себе, не о кинематографе, не о ком-либо, кого я знал. Это рассказ об осенней Ялте и о человеке, который лишь мог бы быть.

Андрей ФАЙТ

Осенний рассказ

Приподняв воротник и глубоко засунув руки в карманы мягкого, теплого пальто, он медленно шел по опустевшей набережной холодной ноябрьской дождливой Ялты.

На мокрых газонах лежали опавшие листья.

Проходили, тесно прижавшись, редкие пары.

Над самым парашютом кружились чайки. Ветер сносил их, они с трудом преодолевали его и иногда, как бы обессилев, косо падали, чтобы над самыми волнами с легким криком снова взмыть вверх, навстречу ветру, осени, ноябрю.

Человек прошел всю набережную из конца в конец. Остановился у старого платана, окруженного пустыми сейчас скамейками.

Вернулся. Потом он стоял у парапета, глядя в мглистую даль, вдыхая чудесный горьковатый воздух, чувствуя на своем лице холодные брызги.

Море было неспокойно. Низкие серые облака шли на запад, и лишь далеко, над самым горизонтом, горела узкая длинная полоса. Там, в разрывах туч, пробивались последние лучи заходящего солнца.

Человек стоял долго. Медленно и незаметно гуща-

лись сумерки, и где-то высоко в горах блеснули фары шедшей по шоссе машины.

Потом он пересек набережную и спустился на скамью, стоящую у самых кустов.

Скамья была влажной, несколько маленьких желтых листочков прилипли к ее сиденью.

Он был широко известен, этот человек, хмуро глядящий на угасающую линию горизонта.

Его книги расходились по всей стране. Их читали люди разного общественного положения и разных поколений.

Он писал хорошие книги, и его любили как писателя умного, тонкого, смелого.

Он получал сотни писем — требовательных и восторженных, умных и наивных.

Его приветствовали люди, которых он не знал или просто забыл, а мало-мальски знакомые стреми-

лись позвать ему руку и считали своим неслучайным долгом сказать что-нибудь значительное или необыкновенно остроумное.

Во всяком случае пытались это сделать.

Он был известен, любим и он сидел один на опустевшей набережной ноябрьской Ялты.

Вспыхнула длинная цепь фонарей и в их ярком свете набережная стала еще пустыней, а море, глухо и мерно бившее о гранит, стало еще чернее.

Только маяк на молу вспыхивал и угасал, вспыхивал и угасал, бросая свой красный луч в темноту ночи, да где-то далеко-далеко едва виднелся зеленый огонек спешащего на запад судна.

Человек сидел на скамье, курил и думал.

Он думал о сегодняшней встрече.

Здесь в этот час былолюдно. Кiosки торговали крымскими сувенирами, и замершая на ветру девушка предлагала последние охапки тронутых ржавчиной хризантем.

Он зашел в небольшую столовую.

Летом здесь завтракали, обедали, ужинали дети, и неумолчный гомон, смех, звон посуды с утра до вечера наполнял ее.

Сейчас здесь было почти пусто.

Он занял место за столиком, стоявшем у выходящего на набережную окна. Напротив него, читая журнал, сидела молодая девушка. Лицо ее показалось ему знакомым. Девушка взглянула на него, и мимолетное впечатление исчезло.

Ему нравилось это место — маленькие столы, трогательно низкие, рассчитанные на детей стулья, и приветливая кассирша, и то, что пальто надо было самому повесить на вешалку или просто бросить на соседний стул.

Он чувствовал себя хорошо.

Томившее его в последнее время ощущение прожитых лет куда-то ушло, и он с удовольствием ел посредственный борщ, думая об ожидающей его в Москве работе, о поведении, которую он долго откладывал, за которую наконец взялся и работу над которой прервал, чтобы на две недели уехать в город, любимым им с юности, место светлых далеких радостей и первых разочарований.

Уехал, чтобы вернуться и дописать. Он взглянул на девушку, сидевшую напротив, и увидел, что та смотрит на него как бы не видя, напряженно думая о чем-то своем. Он улыбнулся ей.

— Простите, — сказала она. — Это я так... просто задумалась. Я вот читаю, — она указала на лежащий перед ней журнал.

В этом номере был напечатан его рассказ. Он ждал, что она скажет.

— Вы любите... и она назвала его имя.

— Некоторые его вещи, — сказал он.

— Да? Я люблю его. Но вот здесь он меня огорчил.

— Меня тоже, — сказал он.

— А ведь мог быть хороший рассказ, — продолжала она, — но как же так можно?

И она заговорила о последней сцене, над которой он долго думал, к которой не раз возвращался и которая ему не удалась.

Он дописал ее, чуть-чуть поступившись своей совестью. Дописал, чтобы закончить рассказ, чтобы уйти от мыслей, утомявших его.

Сейчас он слушал эту девушку, ее простые слова и вспоминал бесконечные ночи у себя за столом —

привычный свет настольной лампы, горький дым сигарет, доносящийся из глубины улиц шум редких ночных, стремительно проносящихся машин, мутный рассвет, пробивающийся сквозь занавесы.

Он пытался найти тогда правильное решение. Искал его в своей собственной жизни, в своем огромном опыте. И не нашел. Сейчас, казалось ему, он написал бы иначе.

— Вы правы, — сказал он, — но стоит ли говорить?

— Почему же? — сказала она. — Хороший писатель...

— Хороший?

— Ну пусть будет хороший. Я не очень-то разбираюсь в вопросах литературы. Вы постоянно живете в Ялте?

Они заговорили легко и свободно. Он узнал, что ей двадцать два года, что выросла она без отца, в Ялту приехала три года назад и живет здесь с матерью. Преподает в младших классах музыкальной школы.

Тонкая, в простом черном свитере, в маленьком черном берете, она казалась совсем юной.

Она говорила о музыке, о любимых пианистах и композиторах, о школе, детях, о своих выступлениях в отдаленных санаториях для взрослых.

А он внимательно и серьезно слушал ее, смотрел на ее лицо с чуть раскосым разрезом чистых светлых глаз, на смущенную улыбку, появляющуюся на ее детских губах и думал о том, как, наверное, любят ее ученики, двенадцать вчерашних ее маленьких человечков, и сколько радости может доставить она там, в горных санаториях томлящихся, надеющихся, а иногда и потерявших надежду людям.

Узнал, что она догоняла его. Редко рассказывал о местах, где бывал. Но сейчас, не назвав себя, он говорил свободно и хорошо, и перед ним вставали новые и древние города, оживали люди, встреченные им на дальних дорогах.

Внезапно он потерял нить рассказа.

Странное ощущение овладело им — точно не в первый раз он сидит с этой девушкой за столом, точно не в первый раз она слушает его, слегка покачивая головой, и смотрит на него, чуть-чуть морщась и легким нетерпеливым движением поправляет выбившуюся прядь волос.

И эта тишина, и холодное солнце за окном — точно это было когда-то давно...

— Какая нелепость, — подумал он, — то, что для меня было давно, для нее вообще не существовало... и почему она так смотрит на меня?

Он понял, что он молчит.

— Простите, — сказал он, — я говорил вам...

Он продолжал говорить, а она пристально, даже как будто строго смотрела на него. Иногда останавливалась, просила что-нибудь объяснить. Иногда прерывала его неожиданным веселым смехом, и он неловко замолкал, думая о том, как это все-таки хорошо, когда человек смеется над тем, что у него самого может вызвать лишь тень улыбки.

Они вместе вышли на набережную.

— Ну вот, — сказал он, — всего вам хорошего. Может быть, встретимся когда-нибудь... в Москве?

Она посмотрела на него, и легкая складка легла между ее бровями.

— Вряд ли. Я была в Москве. Закончила музыкальное училище и уехала в Москву. Давала экзамены в консерваторию. Меня приняли. Но моя мама больна. Она должна жить в Ялте. Я ушла с первого курса.

— Жаль, — сказал он.

— Нет, — сказала она.

Он протянул ей руку и задержал ее руку в своей.

— Несмотря ни на что, ваша мать счастливая женщина.

— Вы думаете? — сказала она.

— Да. У нее есть вы.

Она ответила ему легким пожатием, повернулась и быстро пошла.

Он смотрел ей вслед.

Она шла по набережной навстречу ветру. Тонкая фигурка в развевающемся легком пальтишке удалялась от него.

Он медленно пошел в другую сторону.

Мягкая улыбка теплилась на его губах. Усилием воли он согнал ее, и на ее место легла привычная, чуть насмешливая складка.

Потом он услышал поспешные шаги — она догоняла его.

— Простите... — от быстрой ходьбы ее голос прерывался. — Простите... мы с вами так хорошо говорили... А я даже не спросила... Кто вы...

— Я? — он немного помедлил. — Просто ваш случайный собеседник.

И затем весело улыбнулся ей.

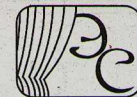
— Ну, будьте счастливы!

Он быстро пошел и, пройдя немного, оглянулся.

Девушка стояла на том же месте. Когда он еще раз оглянулся, на набережная была пуста.

Фонтан белых брызг, освещенных холодным электрическим светом, взлетел над парашютом и с плеском рухнул на набережную.

Человек, сидевший на скамье, чиркнул спичкой. Ее ничтожный огонек потянул за собой. Вторая спичка, третья. Наконец, ему удалось закурить, и он глубже спрятал в во-

ротник пальто мокрое от соленых брызг лица.

Он думал о своей жизни.

Вот ему уже пятьдесят шесть лет.

Он многого достиг. Его ценят.

И не только как писателя. Товарищи ценят его как умного и остроумного собеседника, как человека готового помочь.

Но почему же он, всегда готовый помочь, никогда не предложит помощи сам?

Почему он, любящий жизнь, любящий встречаться, говорить с незнакомыми людьми, так часто ощущает момент отчужденности?

И люди, уходящие от него, могут быть, благодарные, всегда ощущают этот холодноватый взгляд наблюдателя.

Один близкий человек сказал ему об этом.

Тогда он равнодушно пожал плечами.

Почему-то он вспомнил одного юношу.

Он видел его только раз. Горячий мальчик — как он смотрел на него, как говорил...

Он прочел небольшую вещь, которую тот принес.

Перед ним был талант. Ну что же... Он помог ему дельным советом... По телефону... Он даже говорил с ним с редактором одного журнала...

Но ведь он мог сделать больше. Он думал о своей жизни и о встреченной им сегодня девушке. Почему?

Разве она сказала ему что-нибудь, могущее вызвать это смутное...

Разве задала ему хоть один вопрос, на который ему было бы трудно или больно ответить?

Она просто коснулась его своей юностью.

Тихо и просто коснулась того места в его душе, куда он не допускал никого, которое он скрывал от всех, пытаясь скрыть и от самого себя.

И это легкое прикосновение вызвало в нем сейчас горькие сожаления.

Он вспомнил свою первую жену. Они оба были молоды и любили друг друга.

Они прожили вместе пять лет. Потом другие встречи. Его любовь куда-то ушла. Они расстались.

Он вспомнил ее лицо, таким, каким видел его в последний раз. Много времени спустя он узнал, что она, военный корреспондент, погибла на фронте.

У них никогда не было детей.

И еще были встречи.

Краткие и продолжительные. Что же от них осталось? Воспоминания?

Сейчас он женат.

Давно. Двенадцать... Нет, четырнадцать лет.

Жена еще красива. Она очень внимательна к нему. Она умная женщина и почти не раздражает его.

Но у нее своя жизнь. У него — своя.

Он редко говорит — "мы".

Он подумал о своем доме, лишенном молодого смеха, лишенном надежд и заблуждений юности, лишенном юной мечты.

Да, у него никогда не было детей.

И никогда не будет.

— Поздно...

Кажется, он вслух произнес это слово.

И посмотрел на море.

Впереди была густая тьма, лишь видны были освещенные с набережной белые гребни приближающихся валов.

Вал рухнулся, исчезал, скрытый парашютом. Удар. И новый сверкающий каскад с плеском падал на набережную.

В море шел шторм.

Человек встал и пошел к себе. Он прошел через темный, мокрый, пахнущий осенью свкер. Свернул на боковую улицу.

Здесь было тихо, и шум прибоя едва достигал сюда.

Он прошел в ярко освещенный подъезд гостиницы.

Дежурная девушка, передавая ключ, улыбнулась ему.

Он не заметил этой улыбки.

Гостиница встретила его привычным уютном номером, теплом, ванной и одиночеством.

На полу стоял его небольшой чемодан, еще раскрытый, но уже собранный, готовый к отъезду.

Впереди — знакомая дорога. Вероятно, будет дождь.

Машина поедет вверх по гладкому блестящему шоссе, мелькнет колоннада входа в Никитский сад, глубоко внизу, под пеленой дождя, будет виден Гурзуф, и белая лента прибоя опояшет его скалы.

В Алуште он в последний раз увидит, услышит, простится с морем.

Потом дальше, через перевал, к Симферополю.

Самолет пробьет плотную толщу облаков, удивительно ярко засияет солнце, а облака будут ниже, близко под ним, и их манящая будет, сверкающая поверхность будет простираться до горизонта.

Она покажется ровной и прочной, эта бесконечная белизна, и трудно будет себе представить, что тысячи метров воздуха, может быть, ветер и дождь, отделяют ее от земли.

Потом самолет начнет снижаться.

са, дрогнет и побегит стрелка альтиметра — две тысячи метров, полторы, тысяча... Клубящаяся тьма охватит самолет, проносясь рваными косматыми прядями мимо стекол кабины. Невольная тревога сожмет сердце — может быть, земля близко? Может быть, лугт прибор?

И она здесь, вот здесь, рядом?

Но вот снова свет, пасмурный, зимний.

И глубоко внизу заснеженное поле Внуковского аэродрома.

А там... Знакомое шоссе... Громады первых домов... Москва. И вот его дом.

Любимые книги. Работа. Напряженная работа, иногда днем, иногда ночью.

Встречи, разговоры, конференции, совещания.

И одиночество.

Он принял таблетку люминала и лег в постель. Лежал, глядя на темный потолок, отдаваясь течению неясных и тревожных мыслей.

Потом заснул.

Он больше никогда не встречал этой девушки.

Он еще помнил ее лицо, ее прелестную юность. Он еще слышал ее слова. Он еще ощущал иногда желанное человеческое тепло, пахнувшее на него словно дуновение восточного ветра на холодной набережной опустевшей Ялты.

Потом все забыл.

Он никогда не узнал, что эта расцветающая жизнь была продолжением его жизни.

Он никогда не узнал, что она была его дочерью, его ребенком.

Дочерью его и женщины, которую он любил много лет тому назад.

Любил, будучи уже зрелым человеком.

Любил беспамятно, по-юношески, безрасчетно.

Женщины, чей любви он добился и которую он оставил через год после их первой встречи.

Он никогда этого не узнал.

Он принял таблетку люминала и заснул, чтобы проснуться глухой ночью, задолго до назначенного часа отъезда, напряженно и чутко прислушиваясь к неровным и вялым ударам своего усталого одинокого сердца.

Публикацию подготовил Юлий ФАЙТ

● Андрей Файт не в кино, а в жизни. В кругу родных и близких

